

ционале», окруженным «прилипалами, приживалами его духа... День был, как пустая скорлупа без ядра, без личности, куда-то он ходил, с кем-то договаривался, думал, где бы перехватить купюру, строил прожекты. Были и вспышки яркого прозрения, жажда работы, и он что-то где-то и записал, только сейчас не помнил, может, на папиросной коробке, которую аккуратно выкинул в урну, а может, просто на клеенке в диетической столовке, а может, и совсем не записал, а только думал записать, и осталось ощущение чего-то пронзительного, магического, и оттого, что не мог вспомнить, что именно, совсем пал духом и готов был рыдать» (Ямпольский Б.— С. 148).

Возвращение О. в лит-ру произошло в середине 1950-х: в 1956 после долгого перерыва вышел однотомник его избранных произведений, воспринятый новыми поколениями читателей как яркая совр. книга. В это же время начинает складываться последнее произведение О. «**Ни дня без строчки**». «Сегодня, 30 июня 1965 г., — пометил О., — я начинаю писать историю моего времени». Работа не была завершена. В 1965 книга, собранная из записей О. литературоведом М. Громовым, увидела свет. Разрозненные фрагменты, соединенные в главы «Детство», «Одесса», «Москва», «Золотая полка», «Удивительный перекресток», образовали прочный внутренний стержень: «Человек жил и дожил до старости. Вот этот сюжет. Сюжет интересный, даже фантастический. В самом деле, в том, чтобы дожить до старости, есть фантастика. Я вовсе не острою. Ведь я мог и не дожить, не правда ли? Но я дожил, и фантастика в том, что мне как будто меня показывают». В книге отразилось стремление «восстановить жизнь», пройти по ней «назад, как это удалось в свое время Марселю Прусту». Работа над автобиографической прозой, О. словно заново учился писать «много и свободно», его слово вновь обрело пластичность, метафорическую выразительность. Это был путь к себе, к своему внутреннему миру, от которого автор поспешно и опрометчиво попытался отказаться в середине 1930-х.

Соч.: Избранные соч. М., 1956; Повести и рассказы. М., 1965; Ни дня без строчки: Из записных книжек. М., 1965; Пьесы. Статьи о театре и драматургии. М., 1968; Зависть. Три толстяка. Ни дня без строчки. М., 1989; Книга прощания. М., 1999.

Лит.: Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975; Гладков А. Слова, слова, слова... // Гладков А. Поздние вечера. М., 1986; Ямпольский Б. Да здравствует мир без меня! // Дружба народов. 1989. № 2; Чудакова М. Мастерство Юрия Олеша. М., 1972; Перцов В. Мы живем

впервые О творчестве Юрия Олеша. М., 1976; Jngdahl K. A graveyard of themes: the genesis of three key works by Jurii Olesha. Stockholm, 1994; Белинков А. Сдача и гибель советского интеллигента: Юрия Олеша. М., 1997.

В. А. Лавров

ОЛЬШАНСКАЯ Евдокия Мироновна (настоящее имя Дися Мееровна Зайденаг) [22.5.1929, Киев — 19.10.2003, Киев] — поэт.

Родилась в бедной семье ремесленника. Первоначальное большое влияние оказала мать О., окончившая гимназию, хорошо знавшая и любившая лит-ру, особенно стихи. Со школьных лет полюбила Н. Некрасова. «Несжатая полоса» навсегда пронзила ее душу и, по признанию О., с этого стих. и началась внутренняя поэтическая работа души. Позднее, начиная с 7-го класса, возникла, на всю жизнь, любовь к Пушкину, все поэмы которого знала наизусть, а несколько позже проявились острый интерес и любовь к Лермонтову. Возможно, внутренняя, не всегда открытая, но чаще глубинная гражданственность поэзии О., сохранившаяся и в поздних ее циклах и книгах, обязана раннему воздействию музы Некрасова — не столько ее «гнев», сколько «печаль». Рассказы родителей о тяжелой жизни еврейской бедноты, погромах и унижениях были по-своему созвучны боли о страданиях народных. Влияние Пушкина было также очень значительным, но еще более резким и сильным оказалось воздействие Лермонтова — не столько на стихи, сколько на формирование души.

Первая публикация — в газ. «Ленинская Шатура» (1944). В апр. 1946 в республиканской молодежной газ. «Сталинское племя» опубликовано стих. «**Шестнадцатилетие**». Редактор этой газ., впоследствии известный писатель Николай Дубов стал первым серьезным лит. наставником О. Именно с этой публикации, считает О., и следует вести отсчет лит. работе. Связь с этой газ. оказалась и долгой и плодотворной, она меняла свои названия («Комсомольское знамя», «Независимость»), но неизменно представляла свои страницы для стихов, заметок о поэзии и др. материалов. В 1980-е эта газ. напечатала статьи О. об Ахматовой — в то время, как др. газ. делали это, по словам О. в те годы еще неохотно.

Анна Ахматова — это, после Некрасова, Пушкина и Лермонтова, четвертое имя, означающее для О. так много, что его, если иметь в виду лирику О. после 1960-х, можно, пожалуй, считать первым по воздействию и на душу и на самый стих. Впервые она прочитала ахматовские стихи за несколько дней, по ее

словам, до известного постановления о ж. «Звезда» и «Ленинград». Стихи ее потрясли, и с тех пор началось ее внутреннее сопротивление официальной лит. политике и — шире — идеологии. За 40 лет О. собрала огромную коллекцию различных материалов, касающихся Ахматовой. Следует особо отметить, что помимо поэтической работы О. вела обширную переписку с российскими поэтами, а также с поэтами из национальных республик. С годами у нее образовался замечательный по своему составу (по именам и материалам) лит. архив, где есть более сотни писем Арс. Тарковского, письма Б. Пастернака, К. Симонова, В. Чичибабина, М. Светлова, М. Дудина, М. Рыльского, Н. Ушакова и мн., мн. др. В них содержится немало ценных сведений, представляющих настолько большой интерес, что ИРЛИ (Пушкинский Дом) Российской Академии Наук взяла их на хранение, образовав специальный личный фонд О.

Многосторонняя связь с лит. жизнью и России, и др. республик обогатила творчество О., а учеба у различных мастеров, открывающих тайны своего «ремесла» в личных письмах, сказала на ее поэтическом творчестве. В Киеве она стала авторитетным наставником для лит. молодежи, которую сплотила вокруг организованной ею студии, а затем и ж. «Родник». Там получили «путевку в жизнь» мн. молодые поэты. Ежегодно «Родник» проводит «Ахматовские чтения» — они собирают большую аудиторию. На Чтения приезжают ахматоведы из разных городов России и Украины. Лекции об Ахматовой О. читала в Киеве, Иванове, Москве, Одессе и др. городах.

Первая книга стихов О. вышла в Киеве в 1970. Она, вобрав наиболее характерные и лучшие стихи, открыла читателям своеобразного и незаурядного поэта. О. прежде всего лирик, открывающий в стихах напряженную и динамичную душевную и духовную жизнь. Форма ее стихов строга, чиста и по своему «классична». Ее поэтическое мастерство зиждется на очень тщательной работе со словом. Она принадлежит к школе Ахматовой, но не подражает ей, а следует ее поэзии как некоему ориентиру, высокому, недостижимому, но верному. Психологические ситуации в ее стихах драматичны и немногословны. Она посвятила Ахматовой книгу сонетов «Венок Ахматовой» (Киев, 1999) — это, пожалуй, наиболее объемный поэтический потрет великой поэтессы в нашей лит-ре. Эта книга в то же время — признак высокого поэтического мастерства, пришедшего к О. в 1980-е и 1990-е, что признают мн. поэты в своих письмах к О., в рецензиях на ее книги.

Соч.: Диалог. Киев, 1970; Сиреневый час / предисл. Арс. Тарковского. Киев, 1991; Причастность. Третья книга стихов. Киев, 1994; Поэзии родные имена: Воспоминания, письма, стихи. Киев, 1995; Мелодия осени. Чернобыль, 1997; Свет издалека. Киев, 1999; Венок Ахматовой. Киев, 1999; Мгновения. Седьмая книга. Киев, 2002.

Лит.: Тарковский Арс. Диалог // Молодая гвардия. 1971. № 7; Вышеславский Л. Как вам живется, мои земляки... // Вечерний Киев. 1991. 26 апр.; Рудинский В. Е. Ольшанская. Сиреневый час // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1992. № 2165. 1 февр.; Лисиевский И. ...Все, что зовется судьбою. О книгах Ольшанской «Сиреневый час» и «Причастность» // Вечерний Харьков. 1995. № 1. 24 янв.; Татаренко Ю. Адреса причастности Евдокии Ольшанской // Киевские ведомости. 1995. 25 янв.; Дубовик О. Золотое ожерелье памяти // Крещатик. 1996. 11 дек.; Вигучин С. Озаренная // Vestnik. New York. 1998. Vol. 101. № 4 (185). February, 17; Хочу на друзей наглядеться // Правда Украины. 1997. 10 июня; Боброва Э. Евдокия Ольшанская. Поэзии родные имена // Новый ж. Нью-Йорк. 1999. № 217; Черненко М. Надо ведь светиться изнутри // Зеркало недели. 1997. 23 авг.; Вышеславский Л. Целительный свет // Независимость. Киев. 1999. 8 окт.; Черненко М. Поэзия всегда остается юной // Сегодня. Киев. 1999. 17 апр.

А. И. Павловский

ОРЕШИН Петр Васильевич [16(28).7.1887, Саратов — 18.3.1938, Москва, Бутырская тюрьма] — поэт, прозаик.

Родился в семье приказчика мануфактурной лавки, лето в детские годы проводил у деда в с. Галахове Аткарского у. Саратовской губ. С 1896 по 1900 учится в начальной школе, после чего поступает в городскую 4-классную школу, из которой, не доучившись год (за неимением средств), уходит и определяется приказчиком в лавку, где служит отец, затем учится в школе бухгалтеров. В 1913 уезжает в Петербург, где устраивается на работу в железнодорожную контору.

Первые публикации стихов в «Саратовском листке» и «Саратовском вестнике» (1911). С 1913 печатается в петербургских ж. «Заветы», «Ежемесячный ж.», «Современник», «Вестник Европы» и др. Стихи этого периода следуют традиции поэтов-самоучек, суриковцев. Основной их пейзажный фон — «чахлое поле», «тощие земли», среди которых затерялись села со своими «старыми» избами и терпящими «вековую нужду» лачугами. Основной лирический герой этой «горевой» музыки — бедный крестьянин, в эмоциональном запасы которого преимущественно два мотива: жалобы на нужду и надежды на то, что «Будем мы богатыми, / Будем мы счастливыми. / С теремами-хатами, / С женами красивыми!» («Ждут», 1914).